

ИНТЕРВЬЮ

Отношения между Россией и США — ось глобальной безопасности. В Вашингтоне приступила к работе новая администрация во главе с Дональдом Трампом. Его заявления в ходе предвыборной кампании и в первые дни на президентском посту подают осторожные надежды на смену вектора двухсторонних отношений и возобновление полноценного диалога по глобальным и региональным проблемам. Москва воспринимает слова позитивно, но только в слова давно не верит.

Обречены ли Россия и США на противостояние? Результаты и уроки *перезагрузки*. С чего можно начать восстановление отношений, а что предлагать бессмысленно? Изменятся ли американские планы по ПРО и модернизации ядерной триады? Готова ли Москва скорректировать подходы к диалогу по стратегической стабильности? Каких практических шагов ждет Россия от новой американской администрации? Перспективы диалога по кибербезопасности, советы по *иранской ядерной сделке* и принципы выхода из ядерного тупика на Корейском полуострове.

Эти и другие вопросы осветил заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков на встрече с членами Международного клуба *Триалог* и в интервью директору ПИР-Центра Альберту Зульхарнееву.

Сергей Рябков:

«НИЧТО НЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО. ДАВАЙТЕ СУДИТЬ НЕ ПО СЛОВАМ,
А ПО ДЕЙСТВИЯМ И КОНСТРУКТИВНО РАБОТАТЬ»

— Восемь лет назад, когда к власти пришла администрация Барака Обамы, ходила шутка о том, что Россия готова нанять телохранителя новому американскому президенту, лишь бы с ним ничего не случилось, — так высоки были ожидания от предстоящей работы с новой демократической администрацией. Причем ожидания были взаимные и в течение какого-то времени подтверждались на деле. Но, как мы видим, итоги восьмилетнего периода весьма неутешительны как для двусторонних отношений, так и для сотрудничества по проблемам глобальной безопасности. В чем причины такого развития событий?

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

— Подводя черту под восьмилетним периодом развития отношений при Обаме, нужно сказать, что, по сути дела, мы видели две разные администрации США под его руководством.

Первое четырехлетие прошло под лозунгом *перезагрузки*, при этом сам термин в ткань международного общения внедрили американцы. Автором, который отчеканил это слово-монету, на тот период был специальный помощник президента Обамы по российским делам, впоследствии посол США в Москве Майкл Макфол.

Это время ознаменовалось достижением некоторых важных договоренностей с Вашингтоном, которые и по сей день, мы в этом убеждены, оказывают положительное воздействие на международную безопасность и служат своего рода якорем в наших отношениях, не позволяющим этим отношениям совсем уплыть в неконтролируемое плавание по бурным водам. Среди этих договоренностей, конечно, на первом плане стоит Договор СНВ 2010 г., в соответствии с которым на основные уровни по боезарядам и носителям обе страны должны выйти к 5 февраля 2018 г., то есть фактически через год.

Однако во второй президентский срок Обамы американская сторона взяла курс на планомерное разрушение взаимодействия. На наш взгляд, это было связано с концептуальной проблемой. А именно с тем, что в вашингтонском политическом истеблишменте, несмотря на все данные нам ранее обещания и политические сигналы, так и не сумели признать Россию в качестве равного партнера, с мнением которого следует считаться. Более того, усмотрели серьезный вызов в укреплении российских позиций на международной арене, стали активнее использовать против нас различные инструменты давления.

Можно вспомнить, что еще задолго до украинского кризиса — я говорю об этом не случайно, потому что сейчас слово «санкции» в этом контексте настолько неразрывно связалось со словами *Минские соглашения*, что, по сути дела, наблюдается сознательное искажение того, что имело место не так давно — а происходило введение первого санкционного пакета в рамках так называемого *закона Магнитского* в 2012 г., то есть за два года до произошедшего на Украине и в Крыму.

Примерно в то же время администрация Обамы и ее правоохранительные органы развернули подлинную охоту на российских граждан по всему миру. Наиболее вопиющие, знаковые и резонансные случаи — это, конечно, ситуации с Виктором Бутом и Константином Ярошенко. Последний был просто похищен в стилистке «надеть черный мешок на голову» и затолкан в самолет агентами антинаркотической службы США, хотя он не имел и не мог иметь отношения ни к каким перевозкам наркотиков через Либерию или где-либо еще.

Темп тотального сползания отношений к нынешнему состоянию — несомненно, худшему со времен холодной войны (здесь еще можно обсуждать, не хуже ли оно сейчас, чем в худшее время холодной войны) резко усилился после переворота в Киеве и последующих событий в Крыму, а затем и на Донбассе. Хотелось бы обратить внимание на то, что администрация Обамы, не дожидаясь того, что будет дальше, буквально в первые месяцы после крымских событий провозгласила курс на *системное сдерживание* России. И это включало не только ограничение двусторонних контактов, свертывание механизмов взаимодействия, но и резкое расширение санкционной политики, которая, по сути, превратилась в единственный

инструмент и единственное средство работы с Москвой на последующие два с половиной года.

В итоге, по состоянию на сегодня под американскими санкциями находятся 172 российских гражданина и 350 юридических лиц, включая разного рода компании, банки и организации. Я не буду утомлять вас статистикой по количеству недружественных и откровенно враждебных действий в различных сферах, не говоря уже о гигабайтах неприемлемой риторики, с которой приходилось и приходится знакомиться на протяжении всего этого времени.

— Президент Трамп приступает к работе. Ваши первые впечатления и прогнозы развития российско-американских отношений? Изменятся ли наши подходы к работе с американцами?

— Хотелось бы надеяться, что перемены в Белом доме позволят переломить опасную тенденцию деградации российско-американских связей. Мы, конечно, внимательно следили и следим за тем, что Трамп говорил и говорит о России, мы позитивно восприняли его слова о необходимости налаживания нормального диалога между нашими странами. Настроенность обеих сторон выправлять неудовлетворительную ситуацию в двусторонних делах была подтверждена в телефонных разговорах президентов Путина и Трампа.

Что касается нашего подхода, то Президент России не раз подчеркивал, что мы открыты для прагматичного взаимодействия с Вашингтоном по всем вопросам. Однако такое взаимодействие должно выстраиваться в русле баланса интересов, без попыток шантажа и навязывания своей воли. Но для далеко идущих выводов исходных данных пока недостаточно. Нужно отследить и проанализировать практические действия новой администрации. Первые шаги Трампа после вступления в должность являются весьма значимыми, далеко идущими, серьезными — они сейчас анализируются.

Чтобы окончательно определиться с внешнеполитическими приоритетами и подходами по конкретным вопросам, новому хозяину Белого дома, мы это понимаем, потребуется время, тем более что в Вашингтоне происходит очень глубокая, массированная, масштабная смена руководящего звена всех основных ведомств и других структур исполнительной власти.

При любом раскладе нам важно реалистично оценивать ситуацию в отношениях, не пытаться смотреть на будущий диалог «сквозь розовые очки». Уверяю вас, у нас нет подобного рода безосновательных иллюзий, что с приходом Трампа начинается «новая жизнь», или все перевернется, повернется на 180 градусов.

— Одно дело — риторика кандидата в президенты, другое — работа уже вступившего в должность президента, возможности которого велики, но все-таки ограничены и внутривнутриполитической обстановкой, и отношениями с союзниками. Нет ли у Вас опасения, что, столкнувшись с такой реальностью, Трамп быстро изменит свой настрой в отношении России?

— Мы понимаем, что разгребать завалы, созданные в последние годы Белым домом, будет очень непросто. Никуда быстро не уйдет и прочно утвердившийся в вашингтонской элите межпартийный консенсус на антироссийской основе. Наверняка, мы увидим нескончаемые попытки «образумить» Дональда Трампа

Ю
Ь
В
Р
Е
Т
Н
И

и вернуть его в *мейнстрим* в том, что касается восприятия нашей страны и подхода к отношениям с Россией.

Эти попытки сейчас составляют основное содержание диалога многих европейских лидеров, лидеров Евросоюза и НАТО с новой администрацией США, когда обсуждают Россию и отношения с ней. Те европейские политики, которые сейчас с разной степенью увлеченности обсуждают перспективы «*российского вмешательства*» в предстоящие в некоторых европейских странах выборы, весь последний год сами занимались грубейшим вмешательством во внутренние дела США, продвигая Хиллари Клинтон на президентский пост. А когда ее победы не случилось, они решили настроить Трампа *по-клинтоновски* — по крайней мере, на российском направлении. Все это вызывает сожаление, но, по большому счету, ничего неожиданного в этом нет, и мы будем исходить из этой реальности в предстоящий период. Людей не переделаешь. Они свято верят в собственную непогрешимость.

Мы также обратили внимание на то, что в конгрессе США как раз в период перемены в Белом доме активизировались силы, которые хотят *кодифицировать* все худшее, что было оставлено Обамой на российском направлении его внешней политики. Я, конечно, имею в виду законопроект, предусматривающий кодификацию санкций, введенных указами президента Обамы, и их существенное ужесточение. Дальнейший график прохождения этого законопроекта пока не ясен, тем более что в сенате есть одна его версия — известная версия Кардина, Менендеса, Маккейна, Рубио и других, а в палате представителей — несколько иная. И какова будет процедура — объединительная, либо пойдут по разным трекам — пока не совсем понятно, но факт есть факт. С учетом того уровня антироссийских настроений, о которых я уже говорил, мы исходим из того, что даже гипотетическое президентское вето на конечный *продукт* может быть преодолено.

— *То есть надежд на возможность отмены санкций возлагать не стоит, и на повестке этот вопрос не стоит?*

— Просить их отменить или даже обсуждать критерии их отмены мы не будем, как не делали этого и раньше.

— *В одном популярном аккаунте в Твиттере промелькнула мысль о «снятии санкций в обмен на ядерные сокращения». Как Вам такая идея?*

— Она совершенно неработоспособна. Во-первых, мы не обсуждаем санкции и не будем обсуждать. Это Вы можете воспринимать с улыбкой, можете серьезно, но это так и есть. А во-вторых, как можно «разменивать» отмену санкций на разоружение? Получается, что мы должны разоружаться в одностороннем порядке. Это вообще *non-starter*.

— *Какими же могут быть первые шаги по восстановлению отношений?*

— В практическом плане для начала нужно хотя бы восстановить механизмы коммуникации, которые в большинстве областей не работают после решения Вашингтона о заморозке деятельности президентской комиссии с марта 2014 г.

Понятно, что вряд ли речь пойдет о восстановлении всех рабочих групп (всего их было 21), но перезапуск контактов между министерствами и ведомствами в той или иной форме давно востребован.

— **Какая повестка сегодня может быть в «общей корзине»?**

— Конечно, хотелось бы надеяться, что получится сотрудничество в борьбе с международным терроризмом.

При Обаме Вашингтон нехотя, но все-таки стал воевать с ИГИЛ — после того как террористы совершили несколько ужасающих акций. Однако демократическая администрация до последнего дня прикрывала Джабхат ан-Нусру [организация запрещена в России. — *Ред.*] и явно рассчитывала использовать ее боевиков для смещения правительства в Дамаске. Но ведь «Нусра» — это сирийское отделение террористической группировки «Аль-Каида», которая устроила 11 сентября 2001 г. теракты в Нью-Йорке и в Вашингтоне, стоившие почти четырех тысяч жизней американцев. Получается, что администрация Барака Обамы поддерживала террористов, а это в самих США является уголовно наказуемым деянием.

Степень политического сюрреализма в последнее время и так превышает все, что раньше казалось невозможным, но это вообще выходящий из ряда вон «казус», который повторялся много лет.

Дональд Трамп, похоже, понимает ситуацию иначе, чем его предшественник. Во время предвыборной кампании Трамп говорил, что главная проблема в Сирии — международный терроризм, который свил там гнездо. Мы с этим согласны. Но что получится в реальности — пока большой вопрос.

В ходе телефонного разговора 28 января оба президента констатировали, что от наших стран немало зависит в плане поддержания глобальной безопасности, решения острых региональных проблем, противодействия опасным вызовам, особенно терроризму.

Москва готова к полноценной дискуссии по поддержанию глобальной безопасности, включая проблематику стратегической стабильности, и решению острых региональных проблем. Но эта дискуссия может стать продуктивной только в том случае, если США будут руководствоваться основополагающими принципами взаимного учета интересов и ненанесения ущерба безопасности другим.

При обоюдном конструктивном настрое могут открыться новые возможности для сотрудничества в инвестиционной и технологической сферах, а также в вопросах торговли. Товарооборот в прошлом году продолжал снижаться, но сейчас, по последней статистике, можно зафиксировать универсальный тренд — падение товарооборота приостановилось, начинается постепенный рост. Важно, что целый ряд значимых американских компаний не захотели уходить с российского рынка, несмотря на призывы и давление со стороны официального Вашингтона; они сохраняют настрой на взаимодействие с партнерами в нашей стране.

По-прежнему востребованы культурно-гуманитарные обмены и контакты между людьми. Кстати, на этот год выпадает ряд значимых дат, которые при наличии обоюдного интереса, можно было бы отметить проведением совместных мероприятий. Я имею в виду прежде всего 210-ю годовщину установления дипломатических отношений, 200-летие прибытия российской эскадры на Гавайи, 150-летие договора об Аляске, 80-летие легендарного чкаловского перелета.

Отношения с США сегодня оказались во многом на перепутье. Содержательное наполнение работы по конкретным направлениям будет вестись постепенно — по мере выстраивания диалога с новой республиканской администрацией

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

и в зависимости от ее готовности реализовать на практике некоторые предвыборные сигналы президента.

— Предлагаю подробнее остановиться на вопросах стратегической стабильности, нераспространения и контроля над вооружениями. Из опыта известно, что продвижение в российско-американском диалоге по этим вопросам намечается в том случае, когда отношения между странами на подъеме или когда они достигли опасной точки, как Карибский кризис. Сейчас есть шанс на улучшение отношений. Повлияет ли это на корректировку российских подходов?

— Хотел бы совершенно ответственно заявить, поскольку мне этим приходится заниматься постоянно и в полном объеме, что в связи со сменой администрации в Вашингтоне никакого изменения позиции РФ относительно того, что в ходе дальнейшего диалога по стратегической стабильности нужно учитывать все факторы, влияющие на нее, не произошло. А к этим факторам относятся и продолжение, которое, видимо, будет ускоряться, создания США глобальной ПРО, и развитие ими СНВ в неядерном оснащении в рамках концепции *молниеносного глобального удара*, проблемы с соблюдением США Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), нарастающие угрозы попадания оружия в космос, сохранение и кое в чем усиление количественных и качественных дисбалансов в обычных вооружениях. Все эти элементы неотъемлемым образом должны учитываться в ходе диалога. Нам пока непонятно, как именно администрация Трампа будет выстраивать политику в данной сфере. Наверное, еще рано об этом говорить.

— Вы сказали о готовности к сотрудничеству с США по вопросам стратегической стабильности. Ожидаете ли Вы изменений в политике США по ПРО, в частности по европейскому сегменту этой системы? И вызывают ли озабоченность у Москвы анонсированные в ходе предвыборной кампании планы по серьезным финансовым вливаниям в модернизацию ядерной триады США?

— Я сказал, что мы готовы к продолжению диалога по стратегической стабильности при условии, что все эти вышеперечисленные факторы будут не просто приняты во внимание, но и учтены в любых возможных решениях по вопросам стратегической стабильности. Так что вопрос возможного сотрудничества лежит далеко за горизонтом, и такое сотрудничество даже трудно себе представить на нынешнем крайне проблемном отрезке в наших двусторонних отношениях.

В более широком смысле вопрос возможного пересмотра и модернизации, можно даже сказать, переконфигурирования, военной стратегии США в мире и особенно в Европе привлекает наше самое пристальное внимание. Необходимо аккумулировать больше информации и получить более точные оценки того, в каком направлении собираются двигаться США.

У нас пока складывается впечатление, что новая администрация не намерена что-либо кардинально менять в отношении планов развития противоракетной обороны. Возможно, будет сделан чуть больший акцент на территориальной обороне континентальной части США. Последствия этого еще предстоит понять и проанализировать. Но, в общем и целом, думаю, что республиканская администрация, следуя традиции предыдущих американских администраций, будет укреплять программу ПРО в плане ее потенциала, маневренности, скорости развертывания, морского компонента и всего остального. При этом возможно определен-

ное сотрудничество США по данному вопросу с другими странами, в том числе не являющимися членами НАТО.

Пока рано что-то определенно говорить о так называемом европейском сегменте. Как я уже отметил, в настоящее время эти вопросы с администрацией Трампа мы ни в каком формате не обсуждаем, и таких обсуждений не ведется уже давно — еще со времен предыдущей администрации.

США стоят на пороге начала значительных усилий по модернизации своей ядерной триады. Эти планы были заявлены ближе к концу второго срока Обамы. Не думаю, что есть какие-то основания ожидать, что при администрации Трампа эти планы подвергнутся серьезным изменениям. Скорее, наоборот: даже вызывавшие определенные противоречия элементы плана, объявленного при Обаме, будут финансироваться более эффективно, если можно так сказать.

Вам, конечно, известно, что новая администрация делает упор на эффективность бюджетного финансирования военных программ, но возможность урезать финансирование данного направления можно полностью исключить. Это лишь один пример. Спекулировать на данные темы и сложно, и безответственно с моей стороны, но это явно не та область, где Америка собирается концентрироваться на внутренних вопросах. Думаю, представление о том, что американскую безопасность можно гарантировать только в глобальном масштабе, в Америке разделяют все, и новый президент наверняка будет придерживаться аналогичного подхода.

Мне также кажется, что будет продолжение, а не отмена того, что страны НАТО согласовали на своих саммитах в Уэльсе и в Варшаве. Интересно будет посмотреть, какие решения примут на так называемом мини-саммите НАТО в этом году. Твердое решение о проведении такого саммита еще не принято, но, если он будет проведен, интересно будет понаблюдать, не добавит ли он тех или иных оттенков в общую картину или каких-то новых акцентов в определенных областях.

Это стало бы ранним сигналом о том, насколько администрация Трампа собирается придерживаться идеи, скажем так, изменения баланса в НАТО. Будут ли там с американской стороны повторяться многочисленные лозунги и заверения (на которые нам тоже следует обращать внимание) о «незаменимости» альянса, о том, что это «самый успешный альянс в истории человечества»? Именно такие заявления безостановочно тиражировали европейские лидеры в ходе их последних контактов с Трампом и его представителями. Раньше это называлось «старая индоктринировать».

— В ходе предвыборной кампании Дональд Трамп критически высказывался о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) по иранской ядерной программе и заявлял, что по крайней мере попытается изменить условия соглашения. Также известно, что республиканцы, сохранившие большинство в Конгрессе, крайне недовольны заключением этого соглашения. Ожидаете ли Вы в этом контексте кризиса СВПД? И как следует на это реагировать России?

— Это одна из областей, где нынешняя администрация США собирается очень активно проводить новую политику. С ее стороны раздаются заявления и сигналы, которые не предвещают ничего хорошего для СВПД. Лично я не считаю, что у новой администрации есть намерение полностью выйти из соглашения и предложить взамен что-то совершенно новое, то есть предложить партнерам все

Ю
Р
В
Р
Е
Г
Н
И

начать с чистого листа. Однако вполне возможны попытки «исправить» некоторые, с ее точки зрения, недостатки в СВПД, а также, коль уж зашла об этом речь, в Резолюции 2231 Совета Безопасности ООН. Мне кажется, упор может быть сделан на вопросах введения дополнительных, более интрузивных, мер контроля и мониторинга выполнения соглашения на разных иранских объектах.

Мой совет американским коллегам по иранской ядерной «делке» очень простой: не пытайтесь чинить то, что не сломано. Если кто-то попытается «переписать» соглашение, он откроет ящик Пандоры. И дело даже не в том, что мы все вложили много политической воли, усилий и времени в достижение этого соглашения. У нас работа такая, так что мы не жалуемся. Но мне кажется, что просто было бы слишком рискованно пытаться запустить «новый процесс» по такому серьезному вопросу и добиваться новых условий соглашения. Вместе с тем нельзя исключить и того, что администрация попытается настоять на своих условиях, полностью отдавая себе отчет в том, какова будет реакция в Иране. Это был бы нежелательный и негативный вариант развития событий, который лишь подлил бы масла в огонь на Ближнем Востоке.

— Благодаря достигнутому соглашению, тема иранской ядерной программы вызывает меньшее беспокойство, чем ситуация на Корейском полуострове. Новый президент США заявил, что готов провести прямые переговоры с северокорейским лидером. КНДР провела очередное ядерное испытание в сентябре 2016 г., и это событие не вызвало большого общественного резонанса. Ситуация, похоже, зашла в тупик. Каково Ваше видение ситуации и перспектив решения проблемы? Применим ли к северокорейскому вопросу опыт работы по выработке СВПД?

— По-моему, ничего подобного Резолюции 2270 Совет Безопасности ООН раньше никогда не принимал. Это в очередной раз показывает прочность консенсуса в международном сообществе относительно того, что проведение ядерных испытаний Северной Кореей не приемлемо, что оно наносит ущерб международной безопасности и подрывает международный режим нераспространения ОМУ и усилия по укреплению этого режима.

С политической и дипломатической точек зрения можно сказать, что пример СВПД не применим к северокорейской ситуации. И на то есть несколько причин. Во-первых, стартовые условия для подготовки соглашения в случае с Ираном были совсем другими: степень прогресса в ядерной области, которая уже достигнута КНДР, не сравнима с иранской. Этот факт следует принимать во внимание всем, кто участвует в обсуждении.

Во-вторых, подписание СВПД стало возможно благодаря двум факторам: приходу к власти нового руководства исполнительной ветви и появлению новой команды переговорщиков в Исламской Республике, а также открывшемуся «окну возможностей» со стороны администрации Обамы, которая тогда еще не имела статуса *хромой утки*, но при этом сделать ставку на достижение подобного соглашения для нее уже было менее рискованно, чем раньше. В случае с КНДР подобных «стимулирующих» факторов попросту нет.

И в-третьих, говоря несколько упрощенно, нужно учитывать региональную обстановку. Мы полагаем, что северокорейское руководство стремится к подписанию мирного договора с США. Но, для того чтобы добиться прогресса на дипломатическом и политическом фронте, нужна ситуация относительного мира и спокой-

ствия на полуострове. Это, в свою очередь, требует крайней степени сдержанности со стороны тех игроков в регионе, которые после серии шагов со стороны КНДР резко нарастили свою военную активность в различных областях, в том числе в плане проведения учений на море, в воздухе и на суше, развертывания противоракетной системы THAAD и т. д. Мы это обсуждаем со всеми в регионе, в том числе с самой КНДР и, разумеется, с Китаем, а также с Японией, с представителями Южной Кореи.

Продолжение шестисторонних переговоров или работа в каком-то другом формате — вопрос на мой взгляд, вторичный. Надеемся, что вне зависимости от конфигурации будет соблюдено ключевое условие: отсутствие каких-либо провокаций и эскалации, что необходимо для поиска решения путем диалога и мирных средств. Не так давно российская сторона предложила определенные идеи насчет того, как со временем добиться принятия первичных мер по укреплению доверия и транспарентности, на которые в этом регионе, откровенно говоря, не особо высок спрос. Мы свои предложения внесли, работаем по ним, посмотрим, что будет дальше.

Опять же, как и по вопросу сирийского урегулирования, нужно будет понять, кто этим будет заниматься в практическом плане в Вашингтоне. Но мы готовы взять на себя свою часть этой ноши наряду со всеми остальными участниками, включая новую администрацию США и, конечно, наших китайских друзей и японских коллег.

— К вопросу обвинений в кибератаках на США со стороны якобы российских хакеров. Видятся ли Вам какие-то перспективы для сотрудничества с новой администрацией в сфере кибербезопасности? В первые годы администрации Обамы в этой области намечался определенный прогресс. Каким Вам видится дальнейшее развитие событий?

— Наше предложение заключается в том, чтобы по-деловому провести экспертные консультации на межведомственном уровне с участием всех заинтересованных сторон, постаравшись таким образом внести ясность в этот тревожный вопрос. Несомненно, здесь есть определенные аспекты, вызывающие беспокойство. Особенно это относится к киберпреступности, похищению данных, а также к нарушениям прав интеллектуальной собственности. Кроме того, аспекты, которые имеют серьезную политическую окраску, — их тоже можно обсудить, и мы не раз заявляли, что готовы к такому обсуждению. Но делать это нужно не путем бесконечных дебатов — это даже не дебаты, а мегафонная дипломатия в самом худшем смысле слова. Так что наше предложение остается в силе, и мы его не собираемся снимать.

У нас немало вопросов, которые мы хотели бы задать американской стороне. Вы наверняка знакомы с заявлениями наших высокопоставленных официальных лиц, в том числе Николая Патрушева, Дмитрия Пескова и других, об атаках извне на российские сайты и российские интернет-ресурсы. Мы пытаемся не допустить превращения этого сюжета в очередную политическую проблему. Мы деструктивную политику в отношении США не ведем, и наше предложение остается в силе, мы будем продолжать работать по этой теме.

— Мы обсудили конкретные вопросы, хотел бы задать более философский. Вы упомянули о наличии антироссийского консенсуса в Вашингтоне, но, надо признать, и у нас в России имеется аналогичный консенсус в отношении США. Многие политологи утверждают, что нормальные отношения между Россией и США — это отношения легкого противостояния, которое важно контролировать и не допускать его эскалации. Иначе говоря, когда

Россия слаба — отношения могут быть хорошими, а когда Россия находится в сильной позиции, такого рода соперничество неизбежно. Насколько обоснованной Вы считаете такую теорию? Предопределена ли логика российско-американских отношений долгосрочными историческими или геополитическими факторами?

— Я искренне считаю, что здесь ничто не предопределено. Невозможно делать такие выводы из истории наших отношений или утверждать, что в нынешней ситуации есть сходство с ситуацией многолетней давности. В некоторых элементах можно, конечно, уловить такое сходство, и тем не менее. Например, в области контроля над вооружениями всегда считалось, что для России легче иметь дело с республиканскими администрациями, чем с администрациями демократов. Но при этом новый договор СНВ, подписанный в 2010 г., — стержневой на сегодняшний день двусторонний договор в области стратегических ядерных вооружений — был заключен с администрацией демократов, а не республиканцев. Или взять те результаты, которые администрация Обамы числила среди главных внешнеполитических достижений своего восьмилетнего пребывания у власти: СВПД, сирийское химическое разоружение — опять же, Россия сыграла очень весомую роль в достижении этих результатов, и они были достигнуты при администрации демократов, а не республиканцев.

Мне кажется, что с администрацией Трампа у нас есть возможность через какое-то время как минимум выйти на некое плато стабильности. Насколько высокий или низкий уровень будет у этого плато, посмотрим. Но после периода крайне серьезных пертурбаций и резкого ухудшения наших двусторонних отношений для начала нам нужен период осмысления возможностей, а затем размеренный и обдуманый конструктивный период, который тоже вполне может в определенный момент закончиться. Однако это не повод для пессимизма.

Я бы сказал, что мы открыты ко многому в той степени, в которой на это готова противоположная сторона, но только на принципах равноправия и взаимного уважения интересов друг друга. Это обязательный компонент. Некоторые комментаторы, особенно те, кто уже десятилетиями отслеживает российско-американские отношения, полагают, что взлеты и падения в наших отношениях вполне естественны, что время все лечит и что колебания градуса в российско-американских делах неизбежны. Им кажется, что отношения наших двух стран просто следуют законам природы, за которыми физики могут наблюдать на экранах своих осциллографов, где кривая движется по синусоиде. Думаю, что в таком суждении есть доля истины. Но правда и в том, что после каждого падения, после каждого нового спада выйти на новую восходящую траекторию в наших отношениях становится труднее и политически, и психологически.

Тем не менее мы полны решимости пройти свою часть этого пути и дойти до момента, когда можно будет сказать, что американский подход серьезно изменился по сравнению с 2015-м и 2016-м годами. Не знаю, когда это произойдет и произойдет ли это вообще. Однако борьба с терроризмом, ближневосточные вопросы, двустороннее взаимодействие в областях, представляющих взаимный интерес, и все остальное, что можно упомянуть в этом ряду, настраивают на рабочий лад. Есть несколько многообещающих сегментов, где по очевидным причинам мы и так уже упустили много времени.

Так что давайте не будем предаваться иллюзиям и разговорам, а займемся делом, вот в чем смысл моего комментария. Давайте подходить к этому вопросу размеренно и обдуманно, судить не по словам, а по действиям и конструктивно работать. 🐻